

ГУРИН С.П.,
доктор философских наук, профессор, старший преподаватель СПДС

ФЕНОМЕН ЮРОДСТВА.
ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Аннотация: В статье дан обзор литературы советского периода (до 1991 года), посвященной исследованию феномена юродства Христа ради. Юродивые — это чин святых Православной Церкви, которые несли особый духовно-аскетический подвиг, заключавшийся в отказе от общепринятых норм жизни и принятии ради смирения особого образа поведения, внешне напоминающего поведение человека, лишённого рассудка.

Ключевые слова: юродство, литература, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, Н. Н. Ростова, С. Е. Юрков.

GURIN S. P.,
doctor of philosophical sciences,
professor, senior lecturer

THE PHENOMENON OF FOOLISHNESS.
A REVIEW OF THE LITERATURE THE SOVIET
PERIOD

Abstract: The article reviews the literature of the Soviet period (before 1991) devoted to the study of the phenomenon of foolishness for the sake of Christ. The fools for Christ are the rank of saints of the Orthodox Church, who bore a special spiritual and ascetic feat, which consisted of abandoning the generally accepted norms of life and accepting for the sake of

humility a special way of behavior that looks like the behavior of a person deprived of reason.

Keywords: foolishness for Christ, literature, D.S. Likhachev, A. M. Panchenko, Y.M. Lotman, B.A. Uspenskij, N.N. Rostova, S.E. Yurkov

В советское время писать о христианстве вне атеистического контекста было невозможно по понятным причинам. Однако можно было косвенно обратиться к православной традиции в исследованиях по культурологии, искусствоведению, в работах по истории Древней Руси, истории русской культуры и литературы.

Узнать о христианском искусстве и культуре, а также о мировоззрении и богословии можно было из статей, написанных С. С. Аверинцевым для «Философской энциклопедии»¹ и энциклопедии «Мифы народов мира»². Большое значение имела его монография «Поэтика ранневизантийской литературы»³, а также написанные им главы и разделы в коллективных трудах «Культура Византии»⁴, «История всемирной литературы»⁵. Богословские вопросы и проблемы были

---

¹ См.: Аверинцев С.С. Христианство // Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 447-451.

² См.: Аверинцев С.С. Христианская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. М.: Советская энциклопедия, 1980-1982; 1987-1988. С. 598-604.

³ См.: Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977.

⁴ См.: Культура Византии: IV — первая половина VII в. М.: Наука, 1984; Культура Византии: вторая половина VII-XII вв. М.: Наука, 1989; Культура Византии: XIII — первая половина XV в. М.: Наука, 1991.

⁵ См.: Аверинцев С.С. Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 1. М.: Наука, 1983. С. 501-515.

представлены в книгах В.В. Бычкова⁶ через образы христианского искусства.

Но если о христианстве как мировоззрении, о его вкладе в культуру и искусство еще можно было писать, то прямое обращение к собственно религиозным феноменам было практически невозможно. В трехтомном исследовании «Культура Византии» феномен святости вообще не рассматривается, а юродивые упоминаются лишь в разделе «Быт и нравы византийского общества» в общем ряду с акробатами и шутами, причем в самом критическом контексте. «Типичной для византийских городов была фигура юродивого. Вот он появляется на людной улице, грязный, одетый в убогие лохмотья, совершает нелепые поступки... для суеверных византийцев юродивый чем дальше, тем больше перестает быть лишь предметом шуток и насмешек. В его неухоженном, грязном, жалком теле начинают видеть проявление высшей святости, в его невнятных словах находят пророчества, в его нелепых поступках обнаруживают изъявление божественной мудрости»⁷.

Первая книга, посвященная святости и святым, написана В.Н. Топоровым⁸ и вышла в 1995 году; можно предположить, что части этой работы были написаны в предшествующие годы, однако не могли быть опубликованы. В книге рассматриваются различные формы святости и типы святых

---

⁶ См.: *Бычков В.В.* Византийская эстетика. Теоретические проблемы. М.: Искусство, 1977; *Бычков В.В.* Эстетика поздней античности. II-III века. М.: Наука, 1981; *Бычков В.В.* Эстетика Аврелия Августина. М.: Искусство, 1984.

⁷ Культура Византии: IV — первая половина VII в. М.: Наука, 1984. С. 661.

⁸ См.: *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис, Школа «Языки русской культуры», 1995; *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. II. Три века христианства на Руси (XII-XIV вв.). М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

в русской духовной культуре, но юродство как специфический феномен русской религиозной традиции не упоминается.

Впервые юродство анализируется в небольшом исследовании «“Смеховой мир” Древней Руси (Из истории мировой культуры)»⁹. Эта работа вышла в 1976 году, затем было дополненное издание под названием «Смех в Древней Руси»¹⁰. Раздел книги, посвященный юродству, написал Александр Михайлович Панченко (1937–2002), исследователь русской литературы и культуры, академик РАН (1991).

Авторы книги «“Смеховой мир” Древней Руси» рассматривают смех как явление истории человеческой культуры. В «Послесловии» они упоминают известную книгу Й. Хейзинга «Человек играющий»¹¹ как первую попытку подойти к смеху как к явлению истории человеческой культуры. Однако сами авторы данной книги указывают, что они гораздо ближе к концепции М. М. Бахтина.

М. М. Бахтин¹² рассматривал средневековый западноевропейский карнавал в контексте смеха как сложного социально-культурного феномена. Однако при таком подходе отвергается или игнорируется все метафизическое содержание бытия человека. Сам М. М. Бахтин отмечает, что «все карнавальные формы последовательно внецерковны и внерелигиозны»¹³.

Авторы книги «“Смеховой мир” Древней Руси» не отвергают христианской традиции, но и не обращаются к ней

---

⁹ См.: *Лихачев Д.С., Панченко А.М.* «Смеховой мир» Древней Руси (Из истории мировой культуры). Л.: Наука, 1976.

¹⁰ См.: *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.

¹¹ *Хейзинга Й.* Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс — Традиция, 1997.

¹² См.: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.

¹³ Там же. С. 11.

напрямую. В этой книге не ставится вопрос о юродстве как таковом, его смысле в контексте христианского мировоззрения и значении в системе ценностей православной культуры. Юродство рассматривается как феномен культурный и социальный, чему соответствуют названия разделов: «Юродство как зрелище» и «Юродство как общественный протест».

А. М. Панченко предупреждает, что книга касается лишь феноменологии юродства. Его работа — лишь попытка объяснить те черты этого явления, которые кажутся автору существенными. Феномен юродства объясняется через понятие смеха, при этом внимание концентрируется на внешних свойствах и вторичных проявлениях юродства, не затрагивая религиозной сущности этого явления. Таким образом, за рамками работы остается то, что в первую очередь юродство — это отношение человека к Богу, радикальная форма реализации христианского идеала, тип святости.

О причинах выбора такого подхода можно только догадываться. Возможно, это было обусловлено спецификой предмета исследования и соответствующего ему метода. Может быть, автор хотел и мог бы написать на тему юродства больше и в более широком контексте, но не имел возможности это сделать. В новом издании 1984 года текст был дополнен и указывал на христианские смыслы подвига юродства.

Первый раздел, посвященный данной проблеме, называется «Древнерусское юродство» и начинается с утверждения, что «Юродство — сложный и многоликий феномен культуры Древней Руси»¹⁴ и «К эпохе расцвета юродство стало русским национальным явлением»¹⁵. Однако далее этот вопрос не рассматривается. Дальше феномен юрод-

¹⁴ Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси... С. 93.

¹⁵ Там же. С. 94.

ства анализируется в культурном и социальном контексте, но остается непонятно: почему юродство имело особое значение и приобрело такой масштаб именно в России? Само юродство — это социокультурный феномен конкретной исторической эпохи или особый национальный тип святости?

В книге уделяется внимание происхождению юродства. Рассматривается некоторое сходство в поведении юродивых и киников. Но справедливо отмечается, что «нет смысла утверждать, что юродство генетически восходит к кинизму»¹⁶. Хотя русские юродивые подражали примерам византийских юродивых, однако и те не имели отношения к киникам. Феномен юродства появляется в собственно христианской среде, как подвиг самоотречения и абсолютного смирения, как проекция исповедничества и мученичества, монашества и аскезы, их особая превращенная форма.

Также в данной книге юродивые сопоставляются с институтом европейских шутов. «Однако между шутами и юродивыми есть принципиальная разница. Шут лечит пороки смехом, юродивый провоцирует к смеху аудиторию»¹⁷. Это замечание не объясняет различие, так как не рассматривает духовные, религиозные цели, которые преследуют юродивые в отличие от шутов. Хотя в западноевропейском феномене шутовства можно обнаружить многие элементы сакрального, архаического, магического поведения, но их смысл принципиально отличается от того христианского контекста, в котором существуют и действуют юродивые.

То же самое можно сказать о русском скоморошестве, которое по форме схоже с юродством, но принципиально отличается по сущности. «По внешним приметам это зрелище сродни скоморошьему. Но если скоморох развлекает, то юродивый учит. В юродстве акцентируется

¹⁶ Там же. С. 102.

¹⁷ Там же. С. 103.

внеэстетическая функция, смеховая оболочка скрывает дидактические цели»¹⁸. Возможно, здесь автор имеет в виду, что юродивый действует так, чтобы привести зрителей к христианским смыслам и ценностям, хотя он делает это в парадоксальной форме.

Отмечаются параллели юродства с ветхозаветными пророками и с апостольской традицией. «Юродивый “шалует” с той же целью, что и ветхозаветные пророки: он стремится “возбудить” равнодушных “зрелищем странным и чудным”»¹⁹. Если продолжить эту мысль, то можно сказать, что поступки юродивого — это напоминание людям о Боге, о необходимости покаяния, изменения своего мышления и образа жизни.

Также А. М. Панченко отмечает, что «юродство, конечно, примыкало к апостольской традиции»²⁰. Тогда следует добавить, что поступки юродивого — это свидетельство о Христе, о Троице, о жизни в Боге. Юродивый не только напоминает, но указывает на божественную реальность и показывает присутствие Святого Духа в человеческой истории и в жизни каждого человека.

Автор не делает такого прямого вывода, но близок к этому. «В чем сущность юродства, этого “самоизвольного мученичества”? Пассивная часть его, обращенная на себя, — это аскетическое самоуничтожение, мнимое безумие, оскорбление и умерщвление плоти, подкрепляемое буквальным толкованием некоторых мест Нового Завета»²¹. Юродство имеет основание в Новом Завете, является буквальным следованием заповедям Христа и предельным воплощением христианского идеала святости.

¹⁸ Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. С. 109.

¹⁹ Там же. С. 109.

²⁰ Добавлено в издании: Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. С. 97.

²¹ Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси... С. 101.

А. М. Панченко пишет: «Юродство — добровольно принимаемый христианский подвиг из разряда так называемых “сверхзаконных”, не предусмотренных иноческими уставами»²². Автор не раскрывает это определение, но все главные слова сказаны. Юродство — это подвиг, то есть юродство — не болезнь, не безумие, не притворство и не игра. Это подвиг именно христианский. И юродивые совершают его не для себя, не для общества, а Христа ради.

Феномен юродства явно не укладывается в «прокрустово ложе» социально-культурного исследования. А если юродство — это нечто большее, чем явление культуры, то его необходимо рассматривать в более широком контексте и искать метафизическое основание в природе человека, его высшем предназначении и его отношении с Богом. Тогда требуется обратиться к понятию святости. Юродство предстает как особый тип святости, имеющий место в Православной Церкви и обретающий смысл только в контексте православной традиции.

Но также следует подчеркнуть, что юродство превосходит какие-либо нормы и нормативы христианской жизни, оно не может быть формализовано, вписано в рамки и границы. Опыт юродства — предельный опыт, экстремальный и радикальный духовный эксперимент. «Подражание крестному пути и делает подвиг юродства «сверхзаконным», в представлении агиографов — труднейшим и славнейшим, венчающим лестницу христианского подвижничества: “...выше естества нашего подвизася”»²³.

Подвиг юродства не вписывается в каноны, отличается от традиционных форм христианской жизни, превосходит возможности человеческой природы. Любое понимание и осмысление поступков юродивого возможно лишь с некоторой задержкой, запозданием. Смысл слов и действий

²² Там же. С. 101.

²³ Там же. С. 113.

юродивого становится понятен лишь через некоторое время, часто только после его смерти. «О юродивом же до его смерти ничего определенного сказать нельзя»²⁴.

Следует отметить, что А. М. Панченко, сделав такое важное замечание, не развивает эту тему, а сужает цели христианского подвига юродивого до противостояния власти, миру. Автор ставит вопрос: «В чем сущность юродства?». И дает такой ответ: «...добровольное подвижничество, полная тягот и поношений жизнь дает юродивому право “ругаться горделивому и суетному миру”»²⁵.

Хотя в этой формулировке можно усмотреть христианский смысл утверждения ценности духовной жизни, однако автор продолжает эту тему в социально-политическом контексте. «Активная сторона юродства заключается в обязанности “ругаться миру”, т.е. жить в миру, среди людей, обличая пороки и грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия»²⁶. В случае с подвигом юродства «мир» следует понимать не только и не столько как власть и богатство, но как все мирское, временное, переходящее, противоположное вечному божественному бытию. Не получится убедительно «ругаться миру» исходя из утопических представлений о справедливом устройстве общества. Это имеет смысл, только если юродивый реально и конкретно причастен совершенному бытию.

А. М. Панченко утверждает, что «Цель юродивого — благо, польза, личная и общественная»²⁷. Это справедливо, если понимать благо так, как оно понимается в православной традиции — как благодать, которая даруется Богом каждому человеку, как достижение святости некоторыми людьми и спасение всех людей Крестной Жертвой. Юроди-

²⁴ Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. С. 138.

²⁵ Там же. С. 101.

²⁶ Там же. С. 101.

²⁷ Там же. С. 137.

вые имеют именно эту цель. И только приблизившись к ней лично, реально и конкретно, они выходят на общественное служение, чтобы поделиться с другими людьми, со всеми. Общественное измерение деятельности юродивого вторично по отношению к внутреннему измерению его подвига, к его жизни в Боге и перед Богом.

А. М. Панченко оставляет почти без внимания внутреннее содержание подвига юродства. Он отмечает сложность и парадоксальность феномена юродства, но сосредотачивает внимание на его внешней стороне. «Юродивый устанавливает очень сложные и противоречивые игровые связи с толпой. Иными эти отношения и не могут быть: они парадоксальны изначально, потому что самый «подвиг» юродства парадоксален. Юродивому приходится совмещать непримиримые крайности. С одной стороны, он ищет прежде всего личного «спасения». В аскетическом пощении тщеславия, в оскорблении своей плоти юродивый глубоко индивидуален, он порывает с людьми, «яко в пустыни в народе пребывая». Если это не индивидуализм, то во всяком случае своего рода персонализм»²⁸.

Это высказывание можно понимать так, что самое важное происходит во внутренней, духовной жизни юродивого. А то, что он делает перед людьми — это лишь следствие, выражение, представление того, что остается тайной для зрителей. Общественная функция вторична по отношению к сокровенному внутреннему состоянию юродивого, к его обретению божественной благодати и святости. Он готов не только свидетельствовать о реальности божественного бытия, но и передать чувство его восприятия и свой конкретный опыт сопричастности этому бытию. *Кто может вместить, да вместит* (Мф. 19:12).

В разделе книги «Юродство как зрелище» А. М. Панченко высказывает ценные замечания, которые, однако,

²⁸ Там же. С. 110.

не исчерпывают всех смыслов феномена юродства. Поэтому для понимания сущности юродства требуются существенные поправки и дополнения к данному тексту в области антропологии, философии и богословия, именно в христианском контексте.

Автор рассматривает характерные формы поведения юродивого, его особый язык или молчание, его наготу. Подчеркивается, что юродивый действует публично, перед толпой, на площади. «Юродивый наедине с собой не юродствует»²⁹. И наоборот: «Ночью юродивый молится, на людях же — никогда»³⁰. Таким образом, юродивый выбирает зрелище как специфическую форму деятельности для достижения своих целей, часто не понятных и не очевидных для зрителей. Зрелище не является для юродивого самоцелью, оно не исчерпывается сиюминутным впечатлением. Смысл зрелища открывается постепенно, совсем в иной ситуации, когда человек, оказавшийся зрителем, остается наедине со своей совестью. Зрелище предназначено для того, чтобы пробудить душу, которая еще способна к пробуждению.

Здесь следовало бы уточнить, что такое зрелище вообще и зрелище в средневековой Руси в частности. Зрелище — это некоторое представление, выступление, спектакль (постановка, игра), которое кто-то организует перед публикой с некой целью. Публика примерно представляет, что ее ожидает, она этого хочет и ждет. Представление скоморохов соответствует определенному жанру, имеет сюжет и конкретную форму выражения. Скоморохи смешат людей, кого-то осмеивают, сознательно нарушают общественные нормы. Всем все известно, понятно и ожидаемо.

Выступления скоморохов имеют некоторый регламент, соответствующее место (площадь) и время (праздники).

²⁹ Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. С. 104.

³⁰ Там же. С. 104.

Люди посмотрели, посмеялись, заплатили деньги и разошлись. Скоморохи нуждаются в зрителе, они не самодостаточны. Скоморохи удовлетворяют человеческие желания в соответствии с ожиданиями людей. После окончания представления все остается так, как было. Зрелища, которые показывают скоморохи, имеют психологические, социальные, собственно человеческие причины и цели.

Все иначе в случае с юродивыми. Юродивый не получает ничего для себя, кроме насмешек и побоев. А люди не знают, чего от него ожидать, не хотят лишиться душевного равновесия. Обычно юродивый совершает свое действие неуместно, не предусмотрено, в самый неожиданный момент и в неподходящем месте. Зрелище, которое юродивый разыгрывает перед публикой, нарушает все нормы, разрушает привычные представления, как эстетические, так и этические, и даже религиозные.

Зрелище, которое создает юродивый, имеет самые экстравагантные формы, потому что оно показывает нечто такое, что не вмещается в рамки обыденного разума. Юродство осмеивает и отвергает банальные, мирские, светские представления о человеке и показывает реальность духовную, священную, божественную, Царствие Небесное, Царство Божие. Юродивый показывает то, что невозможно показать, представляет то, что нельзя представить, изображает невидимое, передает то, что не вмещается. Цель выступления юродивого в том, чтобы со зрителями, хотя бы с некоторыми из них, произошли радикальные изменения. Чтобы человек стал чем-то большим, чем был. Именно в духовном смысле, в христианском контексте.

Юродивый не только призывает к покаянию, он требует от человека полной перемены мышления и поведения. С одной стороны юродивый испытывает человека, подталкивает его к решению, к поступку, провоцирует его к выбору и действию. С другой, юродивый оставляет человеку

пространство свободы, возможность остаться прежним. «Зрелище юродства дает возможность альтернативного восприятия. Для грешных очей это зрелище — соблазн, для праведных — спасение. Тот, кто видит в поступках юродивого грешное дурачество, низменную плотскость — бьет лицедея или смеется над ним. Тот, кто усматривает “душеполезность” в этом “странном и чудном” зрелище — благоговеет»³¹.

Юродивый обращается к конкретному человеку в конкретной ситуации, и через него к другим людям. Это событие, слова и действия юродивого становятся знаком, примером, образцом, если люди смогут и захотят понять и принять урок. И лишь тогда открывается общее дидактическое, назидательное, нравоучительное педагогическое значение, христианские смыслы поведения юродивого. «Зрелище юродства как бы обновляет “вечные истины”»³², но делает это в парадоксальной форме.

Следует отметить, что любое зрелище, публичное представление (как скоморошество, так и античный театр) происходят от архаического ритуала, от языческих обрядов, в значительной степени сохраняя их смысл и форму. Юродство противоположно любому обряду и ритуалу, и церковному, и тем более языческому. Юродство радикально отличается от ритуала тем, что не имеет фиксированной формы, оно всегда ново, неожиданно, непредсказуемо, спонтанно.

Ритуал указывает на сверхъестественную реальность с некоторой дистанции, обряд повторяет некоторое чудесное событие, воспроизводя его лишь в определенной степени. Юродивый прибывает в сверхъестественной реальности здесь и сейчас, полностью и целиком, он устраивает короткое замыкание человеческого бытия с бытием священным и святым. Это событие — встреча человека с Богом — уже произошло с юродивым, и он хочет вовлечь в него как можно больше людей.

³¹ Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. С. 116.

³² Там же. С. 108.

Итак, что же показывает юродство? Что оно представляет, являет, демонстрирует? Юродивый показывает не себя. Он не является зеркалом недостатков и пороков людей, несовершенства общества. Юродивый показывает другую реальность, принципиально отличающуюся от привычного мира обычного человека, радикально превосходящую его. Зрелище, которое создает юродивый — это видение невидимого, явление неявного, присутствие сокровенного. Юродивый напоминает о реальности святости, обращается к святости, обращает людей к святости.

В первую очередь, представление, которое разыгрывает юродивый, — это свидетельство о святости. Но это еще и прикосновение к святости, приобщение к святости для тех, кто сможет почувствовать, понять и принять посыл от юродивого. Более того, действие юродивого — это в некотором смысле «принуждение к святости». Тот, кто оказался свидетелем действия юродивого, ставится перед жестким выбором: или он примет то, к чему прикоснулся, и получит многое, или не примет и многое потеряет. *Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия* (1 Кор. 1:18).

Если понимать юродство как зрелище, то это зрелище особого рода — не внешнее, а внутреннее, предназначенное для внутреннего зрения, для духовных очей. Зрелище юродивого парадоксально. Он совершает экстравагантные поступки, делает вызывающие жесты, произносит странные слова. Все очень наглядно и зрелищно — слишком зрелищно. Все действия юродивого настолько гипертрофированы, что возникает подозрение, что за всем этим показным и демонстративным действием что-то скрывается. Юродивый совершает чудеса, но делает это прикровенно, сокровенно. Зритель видит одно, а на самом деле ему показывают нечто другое.

Юродство — это зрелище иного мира. Юродивый не столько ругает или осмеивает этот мир, сколько показывает мир

другой — настоящий, подлинный, истинный, тот, по отношению к которому именно наш мир является перевернутым миром или антимиром. Юродивый не изображает этот подлинный и совершенный мир, но обнаруживает и открывает его, ставит зрителей перед фактом его существования, вовлекает, втягивает их в иную реальность. И только в таком контексте слова и поступки юродивого обретают значение и смысл, сохраняются в народной памяти и церковном сознании.

Далее в разделе «Юродство как общественный протест» А. М. Панченко рассматривает феномен юродства в социальном контексте, представляя фигуру юродивого как выразителя народных чаяний. Автор утверждает, что «в средневековой Руси юродство было институтом протеста»³³. Он не применяет марксистский подход в своем анализе, но действует в узких рамках социологического подхода, все же пытаясь преодолеть его границы.

Юродивый представлен как единственный, кто мог позволить себе напрямую говорить власть имущим всю правду, или тот, кому позволялось это делать. Хотя не вполне понятно, почему именно юродивый мог стать выразителем социального протеста, кто дает ему такое право и что гарантирует ему неприкосновенность. Можно предположить, что имеется в виду близость юродивого к народу, его полная нищета и безвластие. Однако в таком случае говорить правду, выражать протест должны были сами нищие, которых было много, и безвластное большинство. Однако это было практически исключено, кроме случаев бунта и народного восстания.

Юродивый имел особое право не из-за своего социального положения (хотя и особого), а вследствие своего исключения из общественных структур и отношений (добровольного и радикального нищенства, бездомности и т. п.).

---

³³ Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. С. 180.

«Отчуждая себя от общества, надевая вериги юродства, подвижник как бы получает позволение обличать»³⁴. И сам протест выходит далеко за рамки общественного протеста, осуждения социального неравенства, власти и богатства. Это протест против земных целей и ценностей, временных и ограниченных земным бытием.

А. М. Панченко относит обличение и общественное заступничество юродивого к третьей форме протеста. А перед этим автор отмечает, что «в юродстве соединены различные формы протеста. Самый способ существования юродивых, их бесприютность и нагота служат укором благополучному, плотскому, бездуховному миру»³⁵. Юродство «есть не только вызов миру — в нем есть и укор миру, молчаливый протест против благоустроенной и потому погрязшей во грехе жизни»³⁶.

Почему же подвижник как бы получает позволение обличать? Потому что он совершенно бескорыстен и беспристрастен. «Юродивый извергает себя из мира, порывает с ним все связи»³⁷. Юродивый обличает. «Но он не призывает к переменам; его протест не имеет ничего общего с бунтом, радикализмом или реформаторством. Юродивый не посягает на социальный порядок, он обличает людей, а не обстоятельства»³⁸.

Юродивый не выбирает, кого обличать. Ему все равно — кто перед ним, он действует по ситуации. Критика властей — это не самоцель. Объект его критики — не власть как таковая, а несправедливость в самом широком смысле, поступки конкретных носителей власти, их нехристианское поведение или мысли. Юродивый

³⁴ Там же. С. 156.

³⁵ Там же. С. 141-142.

³⁶ Там же. С. 142.

³⁷ Там же. С. 153.

³⁸ Там же. С. 156.

действует не во имя социальной справедливости, а ради христианской нравственности и духовности.

«Вообще, юродивый — неумолимый ригорист, который не признает смягчающих обстоятельств. Безнравственность для него всегда безнравственность, за кем бы она ни была замечена — за сильным или слабым. Поскольку юродивый протестует во имя гуманности, поскольку осуждает не пороки общественного устройства, а проступки против христианской морали, не устои, а лица, то ему в принципе все равно, кого обличать — нищего или вельможу»³⁹. Для юродивого объект обличения — грех, зло как таковое, независимо от того, обладает совершающий его властью или нет.

Юродство — не только и не столько критика власти, сколько критика общества, забывшего Бога. Юродивый обращается к душе каждого человека прямо и непосредственно. Слова и действия юродивого становится знаком, примером, образцом для людей, если они смогут и захотят понять и принять урок. И лишь тогда открывается общий назидательный, нравоучительный и педагогический смысл подвига юродства. В основании общественной функции юродства лежит метафизическая функция. Юродивый — он не просто юродивый, уродливый, безумный (странный, иной, другой). Он — юродивый Христа ради.

В этой связи следует обратить внимание на различие юродивых и лже-юродивых (изображающих юродство из-за корысти), юродивых и юродствующих (может быть, считающих себя юродивыми, т.е. святыми). В книге «“Смеховой мир” Древней Руси» Д.С. Лихачев пишет раздел «Лицедейство Грозного», рассматривая смеховой стиль его произведений.

А.М. Панченко также сравнивает фигуры юродивого и царя на примере Грозного. «В критические моменты своей жизни юродствовал Иван Грозный»⁴⁰. Автор подчеркивает,

³⁹ Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. С. 159.

⁴⁰ Там же. С. 167.

что «в старинной русской культуре близость царя и юродивого представляла собою стереотипную ситуацию»⁴¹. Следует отметить, что происхождение такого архетипа имеет архаические, языческие корни, а не христианский контекст. «Эта демонстративная близость монарха и юродивых восходит к древнейшему культурному архетипу, отождествляющему царя и изгоя — раба, прокаженного, нищего, шута»⁴².

Грозный разыгрывал спектакль, изображая из себя юродивого, то есть скрытого святого, или совершая подмену царя рабом (службой). Но это были лишь игры человека, имеющего власть и пытающегося получить сакральную легитимность. «Одной из черт этого стереотипа было представление о возможности и даже обязательности прямого контакта юродивого и царя»⁴³. Иван Грозный встречался с юродивыми и даже выслушивал их, но он был бесконечно далек от сущности юродства Христа ради.

Эта тема получила свое продолжение в рецензии Б. Успенского и Ю. Лотмана на книгу «“Смеховой мир” Древней Руси», где, среди прочего, показано принципиальное различие в мотивах и целях поступков юродивого и юродствующего царя. «...юродство неюродивого — царственного деспота или любого самодура — усваивало человеку внешний взгляд на его собственное поведение, то есть приводило к театрализации последнего. Поведение Грозного — это юродство без святости, юродство, не санкционированное свыше, и тем самым это игра в юродство, пародия на него»⁴⁴. Грозный юродствует себя ради. Это юродство

⁴¹ Там же. С. 168.

⁴² Там же. С. 164.

⁴³ Там же. С. 159.

⁴⁴ См.: Успенский Б., Лотман Ю. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148-166. Цит. по: Лотман Ю.М. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси (совместно с Б.А. Успенским) // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 699.

лишь по форме, вводящее в заблуждение зрителей. И сам юродствующий пребывает в помрачении, в состоянии бесконечно далеком от реальности настоящего юродства.

Итак, в чем подлинная цель юродивых? Это не осмеяние, не зрелище и не протест. Все это лишь формы проявления юродства. Юродство — это юродство ради Христа, а не ради смеха, зрелища или протеста. Цель юродства — это святость, святость самого юродивого и возможная святость других людей, окружающих его. Юродивый обрел святость, получил ее от Бога, и он хочет поделиться ею со всеми, кто рядом, даже если люди не вполне готовы. Юродивый подталкивает их к фундаментальному событию, радикальной перемене в своей жизни, создавая перед ними парадоксальную ситуацию и втягивая их в нее. При этом юродивый опирается на свой опыт святости. Именно это придает убедительность его поступкам, производит неизгладимое впечатление на зрителей.

***

Вскоре после выхода книги Д. С. Лихачева и А. М. Панченко ««Смеховой мир» Древней Руси» в журнале «Вопросы литературы» публикуется рецензия Ю. Лотмана и Б. Успенского под названием «Новые аспекты изучения культуры Древней Руси»⁴⁵.

В рецензии делается вывод, что «авторы [книги] выявили и сделали предметом научного обсуждения весьма важные историко-литературные и психологические феномены русской культуры. Однако определение этих феноменов как «смеховых» нуждается по крайней мере в дополнительной аргументации»⁴⁶. Авторы рецензии пишут: «В обсуждае-

⁴⁵ Успенский Б., Лотман Ю. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148-166.

⁴⁶ Цит. по: Лотман Ю.М. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси (совместно с Б.А. Успенским) // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 700.

мой книге убедительно показана зрелищная (рассчитанная на внешнего наблюдателя) природа юродства. Однако, как кажется, именно «смеховой культуре» такая зрелищность противопоказана»⁴⁷.

Стоит отметить, что авторы рецензии прямо отсылают читателя к христианскому контексту, соотнося феномен юродства с понятием святости. Они отмечают, что «поведение юродивого насквозь проникнуто дидактическим содержанием. Характеризуясь индивидуальными связями с Господом, юродивый как бы окружен сакральным микропространством, так сказать, плацентой святости, отсюда становится возможным поведение, которое с внешней точки зрения представляется кощунственным, но по существу таковым не является. Именно внутренняя святость юродивого и создает условия для антитетически противоположного внешнего восприятия то обстоятельство, что юродивый находится в сакральном микропространстве, придает его поведению характер перевернутости для постороннего наблюдателя, находящегося в грешном мире. Иначе говоря, юродивый как бы вынужден вести себя «перевернутым» образом, его поведение оказывается дидактически противопоставленным свойствам этого мира. Характеристики антиповедения переносятся при этом с действующего лица на зрителей: поведение юродивого превращает игру в реальность, демонстрируя нереальный, показательный характер внешнего окружения»⁴⁸.

Юродство ставится в ряд других форм святости, противостоящих обычному человеческому мировосприятию и поведению. Однако юродство противоположно и общим нормам поведения христианина. И более того, юродство предстает как особый тип святости, который радикально отличается от других ее проявлений. «Поведение юродивого связано с иерархией средневековых оценок человека. <...>

⁴⁷ Там же. С. 696.

⁴⁸ Там же. С. 698.

Над иерархическими предписаниями, определяющими нормы правильного поведения для людей разных сословий, царит общая норма поведения христианина, полное осуществление которой доступно лишь человеку, отмеченному печатью святости. С этой точки зрения обычное человеческое поведение мыслится как «неправильное», и ему противостоит суровая норма «правильной» жизни святого. Поэтому отличие святого от обычного человека имеет внешнее выражение в святом житии, по которому праведник и распознается. Однако существует и другая, также исключительно высоко оцениваемая мера праведности — такая, которая не нуждается во внешнем выражении и, более того, для внешнего наблюдателя облекается в формы предельно неправильного поведения. <...> В этом случае святой отличается от грешника не поведением, а лишь почившей на нем благодатью, которую он чувствует в себе, и лишь для разделяющего это чувство зрителя он отличим от бесноватого»⁴⁹.

Авторы рецензии подчеркивают неприменимость психологических или социокультурных понятий и методов для объяснения феномена юродства: «понятие пародии принципиально неприменимо к характеристике юродивых»⁵⁰. Они отмечают, что «играющим во Христе юродивый может показаться лишь внешнему наблюдателю»⁵¹. Кроме того, подчеркивается, что юродство невозможно свести к архаическому, ритуальному поведению. «Образ действий юродивого внешне может быть неотличим от магического (колдовского или языческого) поведения, но по существу наполняется принципиально иным содержанием»⁵². Очевидно, что под-

---

⁴⁹ Цит. по: Лотман Ю.М. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси (совместно с Б.А. Успенским) // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 697.

⁵⁰ Там же. С. 697-698.

⁵¹ Там же. С. 698.

⁵² Там же. С. 698.

разумеается содержание собственно христианское, опыт духовной жизни, передающийся в христианской Церкви. Речь идет именно о юродстве Христа ради.

Таким образом, авторы рецензии, признавая вклад А. М. Панченко в постановку вопроса о юродстве и принимая во внимание ряд ценных наблюдений и замечаний, подводят читателей к принципиальному выводу о недостаточности социокультурного подхода в анализе феномена юродства и невозможности его понимания вне христианского мировоззрения, церковной традиции и опыта святости.

***

Книга Д. С. Лихачева и А. М. Панченко ««Смеховой мир» Древней Руси» открыла новые области и методы для социально-культурного познания и стала заметным явлением в интеллектуальной жизни. И до конца советского периода эта книга оставалась единственной, рассматривающей феномен юродства. Поэтому ее влияние продолжается до сего дня. В другое время, можно сказать, в новую эпоху вышла статья Н. Н. Ростовской «Почему юродивый — не элемент «смеховой культуры»?»⁵³, которая является развернутой рецензией на данную книгу.

Н. Н. Ростова пишет: «Фигура юродивого в принципе не может быть соотнесена со «смеховой культурой», какой она была представлена А. Панченко и Д. Лихачевым»⁵⁴. Она утверждает, что «фигура юродивого возможна лишь в той общине, которая живет жизнью Церкви, которая знает Бога и исповедуется, а потому в иных случаях она исчезает»⁵⁵. Юродивый может быть понят только в контексте духовного опыта. «Его действия имеют основание в трансцендентной

---

⁵³ См.: *Ростова Н.Н.* Почему юродивый — не элемент «смеховой культуры»? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2008. № 5. С. 69-92.

⁵⁴ Там же. С. 89.

⁵⁵ Там же.

перспективе, т. е. вне мира»⁵⁶. И этот опыт именно христианский, христоцентричный.

Н. Н. Ростова подчеркивает, что «юродивый — это тот, кто видит то, что не видят другие, обычные люди, ибо, став онтологически мертвым для мира, он «выдвинут» в трансцендентную перспективу и из нее смотрит на мир, делая его предметом смеха. Его смех — не то же, что смех в обычном смысле слова. Смех юродивого — это жест, поступок, способ бытия, центрированного Богом и говорящего миру наличного «нет», т. е. смеющегося над ним, ставящего его законы под вопрос»⁵⁷.

Статья Н. Н. Ростовской больше внимания уделяет критическому анализу подходов и методов, использующихся в книге Д. С. Лихачева и А. М. Панченко ««Смеховой мир» Древней Руси», чем самому феномену юродства. Позже Н. Н. Ростова опубликует книгу⁵⁸, посвященную собственно феномену юродства, в которой он будет рассмотрен в широком контексте современной философии и антропологии.

***

Однако исследования феномена юродства продолжались и в советский период в отдельных статьях. Например, Б. А. Успенский анализирует некоторые черты юродства, используя понятие «антиповедения»⁵⁹. Он пишет: «Антипо-

---

⁵⁶ Ростова Н. Н. Почему юродивый — не элемент «смеховой культуры»? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2008. № 5.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ См.: Ростова Н. Н. Человек обратной перспективы (Опыт философского осмысления феномена юродства Христа ради). М.: МГИУ, 2010.

⁵⁹ См.: Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 326-336; Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1994. С. 320-332.

ведение, т. е. обратное, перевернутое, опрокинутое поведение — иными словами, поведение наоборот, — исключительно характерно для культуры Древней Руси, как и вообще для иерархической и средневековой культуры»⁶⁰.

Б. А. Успенский подчеркивает, что «оно могло быть мотивировано разными причинами — иначе говоря, внешне схожие формы поведения могут отражать существенно различные культурные традиции. Тем самым могут быть выделены разные типы антиповедения в соответствии с разными причинами, его вызывавшими»⁶¹.

Б. А. Успенский в первую очередь отмечает сакрализованное антиповедение, которое имеет несомненные архаические, языческие истоки. «Как известно, языческие верования непосредственно связаны с культом мертвых (предков). Соответственно, языческие ритуалы в целом ряде случаев определяются представлением о перевернутости связей потустороннего (загробного) мира»⁶².

Архаическое сознание уделяло исключительное внимание всему, отличающемуся от мира человека, противоположному ему — миру, с которым связана посмертная участь человеческой души и в котором пребывают предки. «Антиповедение — в тех или иных его формах — естественно смыкается при этом с поведением, приписываемым представителям потустороннего мира, и приобретает тем самым специальный магический или вообще сакрализованный смысл»⁶³. Представлялось несомненным, что в том мире все должно принципиально отличаться от этого мира, все должно быть наоборот.

Таким образом, антиповедение характерно для ситуаций, когда человек оказывается на границе с другим миром или

---

⁶⁰ Цит. по: Успенский Б.А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1994. С. 320.

⁶¹ Там же. С. 321.

⁶² Там же. С. 321.

⁶³ Там же. С. 323.

пересекает эту границу. В первую очередь речь идет о смерти и мире мертвых. Но типологически к этому близка ситуация встречи человека с Богом в христианстве. Б. А. Успенский отмечает, что «антиповедение присуще юродивым, однако имеет в этом случае принципиально другой, так сказать дидактический, смысл»⁶⁴ по сравнению с языческими представлениями.

При некотором внешнем сходстве в поведении язычника и юродивого, смысл их поступков совершенно различен. Внимание язычника обращено на потусторонний мир потому, что именно он является источником плодородия, силы и возрождения для этого мира. Связь с иным миром нужна для получения благ в этом мире. А посмертная участь человека в языческом мировоззрении мало отличается от земной жизни.

Для христианского святого божественная реальность не только отличается от этого мира, но отличается радикально, превосходит его бесконечно. Это принципиальное отличие связано не только с онтологическим различием — творением мира Богом из ничего, но еще и с Грехопадением — злоупотреблением человеком свободой, дарованной ему Богом. Поэтому мир нуждается в спасении и Спасителе, но еще в изменении человека, его покаянии и исправлении, в его стремлении к святости.

«Поведение юродивого насквозь проникнуто дидактическим содержанием и связано прежде всего с отрицанием грешного мира — мира, где нарушен порядок. Отсюда именно оправданным оказывается антиповедение — обратное, перевернутое поведение одновременно приобщает к потустороннему миру и обличает неправду этого мира»⁶⁵. Язычник обращается к потустороннему миру, чтобы получить некоторые преимущества в этом мире: силу, богатство, власть. Христиан-

⁶⁴ Цит. по: Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1994. С. 326.

⁶⁵ Там же. С. 327.

ский святой всем своим существом устремляется в иной мир, оставляет все здешнее ради бытия совершенного и вечного.

Юродивый мертв для этого мира. Он умер здесь, чтобы родиться вновь там. Юродивый пребывает в другом мире, поэтому он ведет себя здесь как представитель потустороннего мира, в некотором смысле как мертвец. Юродивый тоже переходит границу между мирами, нарушает ее, но преступает ее не вниз, а вверх. Однако это переход не к смерти, а к вечной жизни.

Также понятие «антиповедения» используется для анализа феномена юродства в постсоветский период. В 2003 году С.Е. Юрков публикует книгу «Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI — начало XX в.)»⁶⁶. Он пишет: «Юродство, безусловно, принадлежит миру антиповедения, поведения с отчетливо выраженными чертами гротеска. Но считать его принадлежащим собственно антимиру, миру смеховой культуры нельзя, его антимир специфический, порожденный не «анти», а сверхрелигиозностью, сверхнормативностью»⁶⁷. Такая позиция подчеркивает трансцендентную перспективу подвига юродства и полностью противоположна концепции М.М. Бахтина.

«Юродивый дистанцирует себя как от собственно мира, так и от антимира, оба они сливаются для него в одно целое, в равной степени противостоящее истине — миру божественному, небесному, единственно олицетворяющему собой подлинный порядок»⁶⁸. При таком подходе юродство не может быть описано и понято только как смех, зрелище или общественный протест.

Юродство становится возможным только при условии, что есть Бог. И если человек связан с Богом, и эта связь

---

⁶⁶ См.: Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI — начало XX в.). СПб.: Летний сад, 2003.

⁶⁷ Там же. С. 52.

⁶⁸ Там же. С. 52.

актуальна, может быть реализована здесь и сейчас. «Выход юродивого за рамки мира и антимира, мира «вообще», подразумевает утверждение им нового, сакрального миропространства, в которое он себя и помещает, и которое он строит по праву наличия своей индивидуальной связи с высшим миром»⁶⁹.

Но эта связь обязывает ко многому. Вслед за юродивым его зрители, соучастники его действия, должны полностью поменять систему координат, изменить иерархию ценностей. Юродивый помещает свидетеля его подвига в совсем иной горизонт, задает другой масштаб. С. Е. Юрков отмечает, что фигура юродивого эсхатологична. «Он воплощает собой приход нового времени, судит мир»⁷⁰. Однако юродивый действует не сам по себе, творит свой подвиг не своими силами, а Христа ради, то есть с Христом и во Христе. Именно Христос есть причина, смысл и цель подвига юродства. И поэтому юродивый как христианский святой воспринимает благодать и соучаствует в божественном бытии.

***

Таким образом, феномен юродства был отображен в научной литературе советского периода лишь частично и фрагментарно. В первую очередь были рассмотрены внешние стороны юродства в социально-культурных аспектах. Применялась методология культурологических и гуманитарных исследований. Представляется очевидным, что для развития этой проблематики было необходимо обращение к антропологическим, философским и богословским основаниям подвига юродства. Это стало возможным только на следующем этапе развития российской науки, когда теология обрела научный статус, и в научный оборот вошли новые подходы и методы, основанные на христианской интеллектуальной традиции и церковном опыте духовной жизни.

⁶⁹ Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI — начало XX в.). СПб.: Летний сад, 2003. С. 53.

⁷⁰ Там же. С. 55.